

ЛОРЕНС СТЕРН

*СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-992
ББК 84(4Вел)-44
С79

Серия «Эксклюзивная классика»

Laurence Sterne
SENTIMENTAL JOURNEY
THROUGH FRANCE AND ITALY

Перевод и примечания *А. Франковского*
Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*
Дизайн обложки *В. Воронина*

Стерн, Лоренс.

С79 Сентиментальное путешествие по Франции и Италии / Лоренс Стерн ; [перевод с английского А. Франковского]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 192 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-188216-7

Это не просто путеводитель, а очень необычный и смешной дневник путешественника. Лоренс Стерн описывает не достопримечательности Франции (смерть автора помешала осуществлению полного замысла — «итальянская» половина так и осталась ненаписанной), а то, какие чувства они у него вызывают.

Герой внезапно отвлекается от дороги, чтобы поплакать над случайной встречей, спорит с читателем, находит прекрасное в мелочах или просто размышляет о жизни. Вместо четкого сюжета здесь — поток мыслей, шутки, каламбуры и искренние эмоции. Ведь важнее всего не то, куда ты едешь, а то, что ты чувствуешь в процессе.

УДК 821.111-992
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-188216-7

© ООО «Издательство АСТ», 2026

— Во Франции, — сказал я, — это устроено лучше.

— А вы бывали во Франции? — спросил мой собеседник, быстро повернувшись ко мне с самым учтивым победоносным видом. — «Странно, — сказал я себе, размышляя на эту тему, — что двадцать одна миля пути на корабле, — ведь от Дувра до Кале никак не дальше, — способна дать человеку такие права. — Надо будет самому удостовериться». — Вот почему, прекратив спор, я отправился прямо домой, уложил полдюжины рубашек и пару черных шелковых штанов. — Кафтан, — сказал я, взглянув на рукав, — и этот сойдет, — взял место в дуврской почтовой карете, и, так как пакетбот отошел на следующий день в девять утра, — в три часа я уже сидел за обеденным столом перед фрикасе из цыпленка, столь неоспоримо во Франции, что, умри я в эту ночь от расстройства желудка, весь мир не мог бы приостановить действие *Droits d'aubaine*¹; мои рубашки и черные шелковые штаны — чемодан и все прочее — достались бы французскому королю, — даже миниатюрный портрет, который я так давно

¹ В силу этого закона, конфискуются все вещи умерших во Франции иностранцев (за исключением швейцарцев и шотландцев), даже если при этом присутствовал наследник. Так как доход от этих случайных поступлений отдан на откуп, то изъятий ни для кого не делается. — *Л. Стерн*.

ношу и хотел бы, как я часто говорил тебе, Элиза, унести с собой в могилу, даже его сорвали бы с моей шеи. — Сутяга! Завладеть останками опрометчивого путешественника, которого заманили к себе на берег ваши подданные, — ей-богу, ваше величество, нехорошо так поступать! В особенности неприятно мне было бы тягаться с государем столь просвещенного и учтивого народа, столь прославленного своей рассудительностью и тонкими чувствами —

Но едва я вступил в ваши владения —

КАЛЕ

Пообедав и выпив за здоровье французского короля, чтобы убедить себя, что я не питаю к нему никакой неприязни, а, напротив, высоко чту его за человеколюбие, — я почувствовал себя выросшим на целый дюйм благодаря этому примирению.

— Нет, — сказала я, — Бурбоны совсем не жестоки; они могут заблуждаться, подобно другим людям, но в их крови есть нечто кроткое. — Признав это, я почувствовал на щеках более нежный румянец — более горячий и располагающий к дружбе, чем тот, что могло вызвать бургундское (по крайней мере то, которое я выпил, заплатив два ливра за бутылку).

— Праведный боже, — сказал я, отшвырнув ногой свой чемодан, — что же таится в мирских благах, если они так озлобляют наши души и постоянно ссорят насмерть столько добросердечных братьев-людей?

Когда человек живет со всеми в мире, насколько тогда тяжелейший из металлов легче перышка в его руке! Он достает кошелек и, держа его беспечно и небрежно, озирается кругом, точно отыскивая, с кем бы им поделиться. — Поступая так, я чувствовал, что в теле моем расширяется каждый сосуд — все артерии бьются в радостном согласии, а жизнедеятельная сила выполняет свою работу с таким малым трением, что это смутило бы самую сведущую в физике *précieuse*¹ во Франции: при всем своем материализме она едва ли назвала бы меня машиной —

— Я уверен, — сказал я себе, — что опроверг бы ее убеждения.

Появление этой мысли тотчас же вознесло естество мое на предельную для него высоту — если я только что примирился с внешним миром, то теперь пришел к согласию с самим собой —

— Будь я французским королем, — воскликнул я, — какая подходящая минута для сироты попросить у меня чемодан своего отца!

МОНАХ

КАЛЕ

Едва произнес я эти слова, как ко мне в комнату вошел бедный монах ордена святого Франциска с просьбой пожертвовать на его монастырь. Никому

¹ Жеманница (*фр.*).

из нас не хочется обращать свои добродетели в игрушку случая — щедры ли мы, как другие бывают могущественны, — *sed non quo ad hanc*¹ — или как бы там ни было, — ведь нет точно установленных правил приливов или отливов в нашем расположении духа; почему я знаю, может быть, они зависят от тех же причин, что влияют на морские приливы и отливы, — для нас часто не было бы ничего зазорного, если бы дело обстояло таким образом; по крайней мере, что касается меня самого, то во многих случаях мне было бы гораздо приятнее, если бы обо мне говорили, будто «я действовал под влиянием луны, в чем нет ни греха, ни срама», чем если бы поступки мои почитались исключительно моим собственным делом, когда в них заключено столько и срама и греха.

— Но как бы там ни было, взглянув на монаха, я твердо решил не давать ему ни одного су; поэтому я опустил кошелек в карман — застегнул карман — приосанился и с важным видом подошел к монаху; боюсь, было что-то отталкивающее в моем взгляде: до сих пор образ этого человека стоит у меня перед глазами, в нем, я думаю, было нечто, заслуживавшее лучшего обращения.

Судя по остаткам его тонзуры, — от нее уцелело лишь несколько редких седых волос на висках, — монаху было лет семьдесят, — но по глазам, по горевшему в них огню, который приглушался,

¹ Но не в применении к данному случаю (*лат.*).

скорее, учтивостью, чем годами, ему нельзя было дать больше шестидесяти. — Истина, надо думать, лежала посредине. — Ему, вероятно, было шестьдесят пять; с этим согласовался и общий вид его лица, хотя, по-видимому, что-то положило на него преждевременные морщины.

Передо мной была одна из тех голов, какие часто можно увидеть на картинах Гвидо, — нежная, бледная — проникновенная, чуждая плоских мыслей откормленного самодовольного невежества, которое смотрит сверху вниз на землю, — она смотрела вперед, но так, точно взор ее был устремлен на нечто потустороннее. Каким образом досталась она монаху его ордена, ведает только небо, уронившее ее на монашеские плечи; но она подошла бы какому-нибудь брамину, и, попадись она мне на равнинах Индостана, я бы почтительно ей поклонился.

Прочее в его облике можно передать несколькими штрихами, и работа эта была бы под силу любому рисовальщику, потому что все сколько-нибудь изящное или грубое обязано было здесь исключительно характеру и выражению: то была худощавая, тщедушная фигура, ростом немного повыше среднего, если только особенность эта не скрадывалась легким наклоном вперед — но то была поза просителя; как она стоит теперь в моем воображении, фигура монаха больше выигрывала от этого, чем теряла.

Сделав три шага, вошедший ко мне монах остановился и, положив левую руку на грудь (в правой

был у него тоненький белый посох, с которым он путешествовал), — представился, когда я к нему подошел, вкратце рассказав о нуждах своего монастыря и о бедности ордена, — причем сделал он это с такой безыскусственной грацией, — и столько приниженности было в его взоре и во всем его облике — видно, я был зачарован, если все это на меня не подействовало —

Правильнее сказать, я заранее твердо решил не давать ему ни одного су.

МОНАХ

КАЛЕ

Совершенно верно, — сказал я в ответ на брошенный кверху взгляд, которым он закончил свою речь, — совершенно верно — и да поможет небо тем, у кого нет иной помощи, кроме мирского милосердия, запас которого, боюсь, слишком скуден, чтобы удовлетворить все те многочисленные *громадные требования*, которые ему ежечасно предъявляются.

Когда я произнес слова *громадные требования*, монах бросил беглый взгляд на рукав своего подрысника — я почувствовал всю силу этой апелляции. — Согласен, — сказал я, — грубая одежда, да и та одна на три года, вместе с постной пищей не бог весть что; и поистине достойно сожаления, что эти вещи, которые легко заработать в миру небольшим

трудом, орден ваш хочет урвать из средств, являющихся собственностью хромых, слепых, престарелых и немощных — узник, простертый на земле и считающий снова и снова дни своих бедствий, тоже мечтает получить оттуда свою долю; все-таки, если бы вы принадлежали к *ордену братьев милосердия*, а не к ордену святого Франциска, то при всей моей бедности, — продолжал я, показывая на свой чемодан, — я с радостью, открыл бы его перед вами для выкупа какого-нибудь несчастного. — Монах поклонился мне. — Но из всех несчастных, — заключил я, — прежде всего имеют право на помощь, конечно, несчастные нашей собственной страны, а я оставил в беде тысячи людей на родном берегу. — Монах участливо кивнул головой, как бы говоря: без сомнения, горя довольно в каждом уголке земли так же, как и в нашем монастыре. — Но мы различаем, — сказал я, кладя ему руку на рукав в ответ на его немое оправдание, — мы различаем, добрый мой отец, тех, кто хочет есть только хлеб, заработанный своим трудом, от тех, кто ест хлеб других людей, не имея в жизни иных целей, как только просуществовать в лени и невежестве *ради Христа*.

Бедный францисканец ничего не ответил; щеки его на мгновение покрыл лихорадочный румянец, но удержаться на них не мог. — Природа в нем, видно, утратила способность к негодованию; он его не выказал, — но, выронив свой посох, безропотно прижал к груди обе руки и удалился.

МОНАХ

КАЛЕ

Сердце мое упало, как только монах затворил за собою дверь. — Вздор! — с беззаботным видом проговорил я три раза подряд, — но это не подействовало: каждый произнесенный мною нелюбезный слог настойчиво возвращался в мое сознание. — Я понял, что имею право разве только отказать бедному францисканцу и что для обманувшегося в своих расчетах человека такого наказания достаточно и без добавления нелюбезных речей. — Я представил себе его седые волосы — его почтительная фигура как будто вновь вошла в мою комнату и кротко спросила: чем он меня оскорбил? — и почему я так обошелся с ним? — Я дал бы двадцать ливров адвокату. — Я вел себя очень дурно, — сказал я про себя, — но я ведь только начал свое путешествие и по дороге успею научиться лучшему обхождению.

ДЕЗОБЛИЖАН

КАЛЕ

Когда человек недоволен собой, в этом есть, по крайней мере, та выгода, что его душевное состояние отлично подходит для заключения торговой сделки. А так как во Франции и в Италии нельзя путешествовать без коляски — и так как природа

обыкновенно направляет нас как раз к той вещи, к которой мы больше всего приспособлены, то я вышел на каретный двор купить или нанять что-нибудь подходящее для моей цели. Мне с первого же взгляда пришелся по вкусу один старый дезоближан¹ в дальнем углу двора, так что я сразу же сел в него и, найдя его достаточно гармонирующим с моими чувствами, велел слуге позвать мосье Дессена, хозяина гостиницы; — но мосье Дессен ушел к вечерне, и так как мне вовсе не хотелось встречаться с францисканцем, которого я увидал на противоположном конце двора разговаривающим с только что приехавшей в гостиницу дамой, — я задернул разделявшую нас тафтяную занавеску и, задумав описать мое путешествие, достал перо и чернила и написал к нему предисловие в дезоближане.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ДЕЗОБЛИЖАНЕ

Вероятно, не одним философом-перипатетиком замечено было, что природа верховной своей властью ставит нашему недовольству известные границы и преграды; она этого достигает самым тихим и спокойным образом, исключив для нас почти всякую возможность наслаждаться нашими

¹ Коляска, называемая так во Франции потому, что в ней может поместиться только один человек. — *Л. Стерн*.

радостями и переносить наши страдания на чужбине. Только дома помещает она нас в благоприятную обстановку, где нам есть с кем делить наше счастье и на кого перекладывать часть того бремени, которое везде и во все времена было слишком тяжелым для одной пары плеч. Правда, мы наделены несовершенной способностью протирать иногда наше счастье за поставленные ею границы; но вследствие незнания языков, недостатка связей и знакомств, а также благодаря различному воспитанию и различию обычаев и привычек, мы обыкновенно встречаем столько помех, желая поделиться нашими чувствами за пределами нашего круга, что часто желание наше оказывается вовсе неосуществимым.

Отсюда неизбежно следует, что баланс обмена чувствами всегда будет не в пользу попавшего на чужбину искателя приключений: ему приходится покупать то, в чем он мало нуждается, по цене, которую с него запрашивают, — разговор его редко принимается в обмен на тамошний без большой скидки — обстоятельство, кстати сказать, вечно побуждающее его обращаться к услугам более дешевых маклеров, чтобы завязать разговор, который он может вести, так что не требуется большой проныцательности, чтобы догадаться, каково его общество —

Это приводит меня к существу моей темы, и здесь естественно будет (если только качанье де-

зоближана позволит мне продолжать) вникнуть как в действующие, так и в конечные причины путешествий.

Если праздные люди почему-либо покидают свою родину и отправляются за границу, то это объясняется одной из следующих общих причин:

Немощами тела,
Слабостью ума или
Непреложной необходимостью.

Первые два подразделения охватывают всех путешественников по суше и по морю, снedaемых гордостью, тщеславием или сплином, с дальнейшими подразделениями и сочетаниями *in infinitum*¹.

Третье подразделение включает целую армию скитальцев-мучеников; в первую очередь тех путешественников, которые отправляются в дорогу с церковным напутствием или в качестве преступников, путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных судьей, — или в качестве молодых джентльменов, сосланных жестокостью родителей или опекунов и путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных Оксфордом, Эбердином и Глазго.

Существует еще четвертый разряд, но столь малочисленный, что не заслуживал бы обособления,

¹ До бесконечности (*лат.*).

если бы в задуманном мной труде не надо было соблюдать величайшую точность и тщательность во избежание путаницы. Люди, о которых я говорю, это те, что переплывают моря и по разным сообщениям и под различными предложениями остаются в чужих землях с целью сбережения денег; но так как они могли бы также уберечь себя и других от множества ненужных хлопот, сберегая свои деньги дома, и так как мотивы их путешествия наименее сложны по сравнению с мотивами других видов эмигрантов, то я буду отличать этих господ, называя их

— Простодушными путешественниками.

Таким образом, весь круг путешественников можно свести к следующим *главам*:

Праздные путешественники,

Пытливые путешественники,

Лгущие путешественники,

Гордые путешественники,

Тщеславные путешественники,

Желчные путешественники.

Затем следуют:

Путешественники поневоле,

Путешественник правонарушитель и преступник,

Несчастный и невинный путешественник,

Простодушный путешественник

и на последнем месте (с вашего позволения)

Чувствительный путешественник (под ним я разумею самого себя), предпринявший путешествие (за описанием которого я теперь сижу) *поневоле*

и вследствие *besoin de voyager*¹, как и любой экземпляр этого подразделения.

При всем том, поскольку и путешествия и наблюдения мои будут совсем иного типа, чем у всех моих предшественников, я прекрасно знаю, что мог бы настаивать на отдельном уголке для меня одного, но я вторгся бы во владения *тщеславного* путешественника, если бы пожелал привлечь к себе внимание, не имея для того лучших оснований, чем простая *новизна моей повозки*.

Если читатель мой путешествовал, то, прилежно поразмыслив над сказанным, он и сам может определить свое место и положение в приведенном списке — это будет для него шагом к самопознанию: ведь по всей вероятности, он и посейчас сохраняет некоторый привкус и подобие того, чем он напился на чужбине и оттуда вывез.

Человек, впервые пересадивший бургундскую лозу на мыс Доброй Надежды (заметьте, что он был голландец), никогда не помышлял, что он будет пить на Капской земле такое же вино, какое эта самая лоза производила на горах Франции, — он был слишком флегматичен для этого; но он, несомненно, рассчитывал пить некую винную жидкость; а хорошую ли, плохую или посредственную, — он был достаточно опытен, чтобы понимать, что это от него не зависит, но успех его решен будет тем, что обычно зовется *случаем*; все-таки он надеялся на

¹ Потребности путешествовать (*фр.*).